

A scenic landscape featuring a calm lake surrounded by dense evergreen forests. In the foreground, a person stands on a mossy rock, looking out over the water. The sky is overcast, and the overall atmosphere is serene and quiet. The text is overlaid on the upper and middle portions of the image.

Сергей
Билдуев

Не уходи

Сергей Николаевич Билдуев

Не уходи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55842559

SelfPub; 2023

Аннотация

Бывший детдомовец Паша – заблудшая душа, типичный представитель молодёжи "нулевых". Не успев обрести тихое семейное счастье в лице красивой девушки и её сына Доржика, странным образом похожего на него самого, Павел сталкивается с новой трудностью – возлюбленная умирает, а ребёнка у него отбирают органы опеки. После череды несчастий Паша просыпается в далёком прошлом, рядом с живой и здоровой любимой, но почему-то бездетной. Удастся ли Паше вернуть Доржика? Или он был лишь иллюзией?

Сергей Билдуев

Не уходи

– Молодой человек! Я вам еще раз повторяю: это не сердце! Видите, у вас кардиограмма идеальная. Просто отдохните на свежем воздухе полчаса, попейте воды, и вам станет легче, – дородная медсестра в приемном покое торопилась сдать смену и уйти, наконец, домой, чтобы просто выспаться после напряженного дежурства.

Паша с трудом вышел из больницы, не помня себя, преодолел с десятков потертых ступенек и сел на скамейку у аллеи. Он чувствовал, как боль изнутри разрывает его на части. В глазах потемнело. Сколько прошло времени, Павел не знал. Он очнулся, лежа на спине на той же скамейке, держа за руку незнакомую девушку. Другой рукой она умело пальпировала его живот.

– Не уходи... – Павлу стало страшно, он как будто почувствовал приближение чего-то ужасного, словно эта девушка стала единственной, кто еще связывает его с реальным миром.

– Я не уйду, не волнуйся. Сейчас тебя заберут на операцию. У тебя аппендицит. Из-за транспозиции¹ внутренних органов его не смогли сразу диагностировать. У моей мамы

---

¹ Зеркальное расположение органов.

была такая же особенность, это редко случается, но случается тем не менее.

Павла прооперировали в экстренном порядке. Дабы загладить свою вину, медики разместили его в вип-палате и обеспечили соответствующий уход. Немного оклемавшись после операции, Паша так обнаглел, что даже попросил блокнот с неразлинованными листами и простой карандаш, и его просьбу подобострастно исполнили в течение дня. Чтобы не скучать, он решил убить время самым приятным для себя способом – рисованием.

За дни, проведенные в больнице, Паша так и не увидел среди персонала ту девушку, которая поставила ему правильный диагноз и тем самым спасла жизнь. Накануне выписки он и нарисовал ее портрет. Врожденный талант и фотографическая память позволили Паше воспроизвести внешность незнакомки в мельчайших деталях: идеально ровные, чуть вздернутые брови, глубокие раскосые глаза, пухлые губы, острые скулы и даже две родинки под правым глазом.

– Красавица, помогите мне, пожалуйста, – попросил Павел санитарочку, пришедшую после завтрака помыть в палате пол. – Знаете эту девушку?

С белоснежного листа блокнота на санитарку смотрела Дашима. Даже чуть заметная ухмылка и недавно заострившая черты смуглого лица худоба – ничто не укрылось от спасенного ею художника.

– Она работала здесь несколько лет, потом ушла в декрет, а уволилась в тот день, когда вы сюда попали.

– Из-за меня уволилась?!

– Нет, конечно! С какой стати? Она в район переехала.

При выписке Павлу отдали его барсетку. В ней он обнаружил нетронутую пачку купюр – вознаграждение от последнего заказа. Свой талант Павел использовал по максимуму. Рисовал он настолько профессионально, что мог подделать любой документ, применял при этом как традиционные художественные инструменты, так и специальное техническое оборудование и новейшие графические редакторы. Дубликаты получались такого качества, что отличить их от оригинала могли лишь эксперты. Подобного рода деятельность не укрылась от правоохранителей, и в итоге у Павла начались проблемы с законом. Кушать же хотелось всегда, и нарушать закон Паша не перестал, но теперь делал это тоже почти профессионально: редко и очень осторожно. Вот и сейчас, получив приличную сумму, решил ненадолго залечь на дно, тем более, его «работодатель» предупредил, что пояс придется подтянуть, до зимы заказов не предвидится, а сейчас на дворе – начало весны. На улице пахло растаявшим снегом, солнце слепило, как в июне, samozабвенно пели легкомысленные птички. Павел любил весну, она всегда внушала оптимизм и желание жить.

«Мог бы и помереть, а похоронить некому...» – с горечью вспомнил Паша свое недавнее знакомство с отечественной

медициной. Решение отблагодарить девушку-спасительницу пришло само собой. Коробка дорогих конфет и бутылка ароматного вина сотруднице отдела кадров в больнице обеспечили Пашу адресом Дашимы. В Утату Закаменского района он отправился в тот же день.

***

Дом Дашимы стоял на самом краю деревни. Покосившийся забор, угрюмые серые ставенки с ветхим, но очень красивым орнаментом, щербатый палисадник – все это вызывало незнакомое Павлу чувство умиротворения. Разумом же Павел не мог понять, что могло заставить молодую девушку променять город на руины у черта на куличках.

Постучал в дверь, закрытую с внутренней стороны на засов. Детский голосок спросил:

– Кто там?

– Позови маму, пожалуйста.

– Мама!!! – Паша услышал топот маленьких ножек по деревянному полу.

Дашима открыла дверь и сразу узнала Павла. Из-за ее ног выглядывал крохотный светленький мальчонка, совсем на нее не похожий.

– Привет, – Паша обратился к Дашиме, как к давней знакомой. – Вот, пришел отблагодарить, – протянул увесистый пакет с фруктами и деликатесами, а также пышный букет из

фиолетовых ирисов, почти не потерявший своего очарования за долгую дорогу.

– Спасибо, не стоило. Ты здесь живешь, что ли? – Дашима пригласила Павла в дом и усадила за стол.

– Нет, я ищу здесь жилье, – с ходу соврал Паша. – Не подкажешь, кто сдает?

– Зачем тебе здесь жилье? Ты что, приехал за нефритом?

– С чего бы? Просто приехал. Художник я, а у вас край красивый, приехал вдохновляться.

– Художник? С роду бы не подумала. Больше на бездельника похож.

Может, это и прозвучало слишком жестко, но Пашу развеселило. А кто же он, если не бездельник?

– Вот я – художница! С детства рисую, а мама заставила в медицинский поступать. Теперь на жизнь зарабатываю талантом, – Дашима кивнула на ноутбук, стоявший в углу кухни на столе. На фоне общей обстановки ноутбук производил впечатление пира во время чумы. – Вынуждена была уйти из медицины по состоянию здоровья, перешла на фриланс, которым занималась во время декретного отпуска. Рисую на заказ и жизнью довольна!

– Хватает заработка на жизнь?

– У меня еще пенсия есть. Я на инвалидности после родов. Сердце...

Павел заметил, что Дашима двигалась очень медленно, каждое движение давалось ей с трудом. Как живет она в де-

ревенском доме? Ей бы в благоустроенной квартире жить. Словно прочитав его мысли, Дашима пояснила:

– Уволилась и приехала дом продавать. Добавлю потом и куплю квартирку в Закаменске. Если получится продать, конечно. Кому сюда понадобится ехать, в нашу Богом забытую Утату?

Беседа текла неспешно. За разговорами Павел даже не заметил, как стемнело. У него с Дашимой нашлось много общего, особенно, увлечение рисованием. Девушка показала свои альбомы. В ее рисунках чувствовалось что-то особенное, что Павел, в силу ограниченности образования, объяснить словами не мог.

– Вот, – удрученно произнесла Дашима. – Стемнело, а я воду не привезла. У нас колодец сломался, до соседей приходится ходить за водой.

– Пошли вместе, покажешь дорогу, а я привезу.

За водой пошли втроем: Дашима, Паша и ее маленький Доржик, который уселся на тележку рядом с флягой. Паша катил тележку и умилялся мальчиком. Детей у него не было, как и серьезных отношений с девушками. Все пророчили ему раннюю женитьбу, но судьба не давала ему ни одного повода отказаться от привычного одиночества. Выросший в детдоме, Павел не стремился заводить семью. А сейчас вот, в безмолвной деревне, рядом с красивой скромной женщиной и ее нежным ребенком, он засомневался, правильно ли живет, не прожигает ли жизнь свою попусту.

Ночь стала отличным предлогом остаться незванным гостем у Дашимы, а ее болезнь позволила Павлу предложить свою помощь в быту. Он колол дрова, приносил воду, выполнял и мужскую, и даже часть женской работы по дому. Спал в отдельной комнате без окон. Во второй комнате, служившей хозяевам и гостиной, и спальней, спали Дашима и Доржик. На пустой стене этой комнаты висел портрет Дашимы, выжженный на деревянном полотне. Работа была выполнена под старину, настолько профессионально, что Паша постоянно удивлялся, каким образом Дашиме это удалось. При случае спросил ее.

– Это не я рисовала. На портрете – моя бабушка Дари. Она сама себя изобразила, тоже, видимо, рисовала в молодости, но из ее работ только этот портрет остался. Мы с ней похожи, правда? Я ее не застала, потому что я поздний ребенок у мамы. У нас с этим проблемы по женской линии. У бабушки всего одна дочь была, мама меня в возрасте родила, я сама тоже Доржика долго ждала. А когда беременна была, мне вообще рекомендовали аборт сделать и никогда не рожать. Выяснилось, что у меня порок сердца. Беременность дала осложнения, в итоге – инвалидность. Но я решила рожать, и не жалею об этом. Правда, боюсь, вдруг умру, тогда Доржик никому не нужен окажется.

– А отец его где? – бестактно поинтересовался Паша.

– Он меня бросил. Был ревнивый до жути. Доржик светленький родился, а мы оба – типичные буряты. Я ему гово-

рила, что Доржик – копия моей мамы. Она тоже светленькая была, блондинка, представляешь! Он ни в какую, вот и отказался от отцовства. Я не стала навязываться, проживем как-нибудь без него.

Дни пролетали быстро, а Павел не замечал. Он наслаждался семейным теплом и уютом, которых был лишен в детстве. В свободное от работы в интернете время Дашима гуляла по лесу с ним и Доржиком. Они подолгу беседовали, Паша играл с Доржиком, а Дашима смотрела на них, никогда не участвуя в играх. Однажды Паша понял, что не хочет расставаться с ними. Уложив Доржика, Дашима вышла на крыльцо подышать свежим воздухом. Паша курил, задумчиво глядя на горы. Обернулся, бросил непотушенный бычок в пустое мусорное ведро, подошел вплотную к Дашиме, взял за руки и заглянул в глаза.

– Ты такая красивая.

Дашима попыталась отстраниться. Паша обнял ее за талию и прижал к себе, попытавшись поцеловать. Дашима отвернулась.

– Прости, Паша, я не могу. Мне противопоказаны любые физические нагрузки. У меня слишком слабое сердце, оно просто не выдержит. Я тебе не пара... – со слезами на глазах Дашима зашла в дом.

Она заснула только под утро. Думала, что утром Паша соберет вещи и уедет. Но он остался, будто ничего не произошло. По-прежнему помогал по дому, играл с Доржиком,

с нежностью и грустью смотрел на нее. Однажды Паша и Доржик пришли из магазина с сумками продуктов. Мальчик подбежал к Дашиме показать новую игрушку – коричневую плюшевую собачку, смешную от своей несуразности.

– Это папа мне купил!

Паша смутился под строгим взглядом Дашимы. В магазине Доржик начал капризничать, а продавщица сделала ему замечание, сказав:

– Посмотри, как скромно ведет себя твой папа! Бери с него пример.

С тех пор Доржик называл Пашу только папой, и никто не посмел его исправлять. А Дашиме становилось только хуже. Павел с любовью в сердце смотрел на нее, не в силах помочь. К тому времени он знал о ее заболевании все, что только можно. И, к сожалению, нигде не нашел информации, что оно излечивается. Ни за какие деньги, только поддерживающая терапия. Прогноз неблагоприятный.

***

Началось лето, а Дашима уже не могла работать. Все больше времени она проводила в постели. Паша исхудал, стал больше курить, подолгу сидел на краю кровати, держа Дашиму за руку, как несколькими месяцами ранее она его. Участковый терапевт принял решение о госпитализации. Паша и Доржик остались вдвоем в маленьком доме. Без Дашимы он опустел. В воскресное утро Паше позвонили из больницы

Закаменска. Дашиме стало хуже. Он приехал с Доржиком.

Дашима лежала с закрытыми глазами. К ее телу подключили бесчисленное количество прозрачных трубок, страшных в своем бессилии. Паша не выдержал и прижался лбом к ее руке. Доржик заплакал, и тогда Дашима открыла глаза, погладила сына по шелковым волосам. Он сразу успокоился.

– Не уходи, Дашима... – шептал Паша. – Не уходи!

Дашима умерла ночью, тихо, не произнеся ни слова. На время похорон Доржика забрала сердобольная соседка. После поминок привела обратно. Доржик истосковался по дому и сначала даже не огорчился, что мама до сих пор не вернулась из больницы.

Следующим утром Паша проснулся от стука в дверь. Спросонья, накинув только рубашку, открыл.

– Здравствуйте! Несовершеннолетний Дугаров Доржо Владимирович здесь находится?

На пороге стояли две женщины в гражданском и участковый милиционер со своим помощником.

– А в чем дело?

– А не ваше дело, гражданин. Близких родственников у ребенка нет, поэтому его отвезут в приют. Если опеку никто не оформит, отправится в детдом либо в приемную семью. Но вас это не должно волновать, – грубо ответила женщина постарше и оттолкнула Пашу, входя в дом. Ей навстречу выбежал босой Доржик в длинной маечке и шортиках, протирая ручками заспанные глазенки. Паша резко схватил его на

руки и прижал к себе.

– Я его отец, он будет жить со мной.

– В свидетельстве о рождении ребенка в графе «Отец» стоит прочерк! Покажите нам документы, удостоверяющие ваше отцовство.

– У меня нет документов. Но будут! Дайте время.

– Нарисуешь, что ли? – недобро ухмыльнулся участковый. – Знаем мы всю твою подноготную, художник. Отпусти ребенка по-хорошему.

– Папа, свари мне кашку, – Доржик еще не понимал происходящего и даже не волновался.

Женщины подошли к Паше и попытались забрать мальчика. Свободной рукой он оттолкнул их и отступил назад, чуть было не споткнувшись.

– Тебя предупреждали! – милиционеры набросились на Павла с двух сторон, разжимая руки. Доржик отчаянно заревел, цепляясь ручонками за шею отца.

– Папочка, я не хочу к ним! Папа, где мама? Папа!..

Худошавый Паша не смог удержать ребенка. Как только его передали женщинам с опеки, милиционеры скрутили Павла, уложив на живот.

– Доржик, я тебя заберу! Это ошибка! Ты поживешь немного у тетенок, и я вернусь за тобой! Обещаю!

– Заткнись! – милиционер ударил Павла по голове.

Немного оправившись, Паша собрал вещи ребенка, ведь увезли его в одних шортиках и маечке. Выходя из комнаты,

посмотрел на коробку с игрушками. Взял несколько машинок, которыми Доржик любил играть. Оглянувшись, заметил на кровати плюшевую собачку. Она стала любимой игрушкой Доржика, он брал ее с собой даже в кровать.

В приюте охранник принял от Паши сумку с вещами и игрушками, но внутрь не пустил.

– Все вопросы по посещению решаются через директора.

Павел вернулся в дом. Некогда так радушно приютивший его, сейчас дом смотрелся сиротливо и излучал холод. В тот же день Паша выехал в город. Свидетельство о рождении ребенка, где в графе «Отец» указаны данные Павла, свидетельство о браке с Дашимой, что еще нужно? Все документы были изготовлены, и спустя неделю Павлу удалось попасть на прием к директору приюта.

– Я похожа на идиотку? – Эльвира Сергеевна посмотрела на Павла поверх очков в золотой оправе. – Вы, ранее судимый гражданин без определенного места жительства и постоянного дохода, с сомнительной репутацией и криминальным прошлым, хотите, чтобы совершенно чужой вам ребенок проживал совместно с вами? Пенсию по потере кормильца пропивать намереваетесь? Или у вас интимные цели в отношении мальчика?

– Да как вы смеете? Спросите у Доржика, кто его папа, он ответит! Я сам вырос в детдоме, и не хочу такой участи для сына! – Павел был в отчаянии. Он вытащил остатки тех денег, что заработал весной. Там оставалось порядка пятиде-

сяти тысяч рублей. Положил их на стол директора в надежде на ее сговорчивость. – Я принесу еще, сколько скажете...

– Доржик еще мал, он не понимает, что вы в его жизни появились всего пару месяцев назад. В детдоме ему будет лучше, чем с вами. Там хотя бы уход будет и пища, а вы что ему дадите? Заберите свои деньги и эти подделки и уничтожьте. Так и быть, я не стану сообщать об этом в милицию. Уходите!

Паша вне себя выбежал на улицу. Во дворе играли дети. На скамеечке одиноко сидел Доржик, держа в руках плюшевую собачку.

– Доржик! – окликнул его Паша. Мальчик повернул голову и сразу же побежал к отцу. Паша поднял его и прижал к себе, вдыхая сладковатый запах родных волос.

– Папочка, наконец-то ты пришел!

– Уходите, мужчина! – испуганная нянечка подбежала к Паше и забрала ребенка.

– Папочка, не уходи! Не уходи! – кричал Доржик, сжимая в руке свою собачку. Слезы градом катились из его глаз.

– Я вернусь за тобой, обязательно вернусь! Я обещаю!

За воротами Павел увидел полутрезвого мужчину. Он, шатаясь, стоял и потерянно смотрел на центр содержания детей.

– Бабки им нужны, брат, – произнес он, глядя на Павла. – Много бабок, «поляма» как минимум... Сволочи!

***

Паша принял решение. Оно далось ему легко, ведь закон приходилось нарушать и ранее. Найти местного криминального авторитета оказалось проще простого. Но давать деньги в долг тот отказался, несмотря на протекцию общих знакомых.

– У меня все деньги в деле, не обессудь, – развел мужчина руками. – Можешь сам заработать. Мне нужны ребята на камень. Как раз завтра выезжает бригада. Если белый камень найдете, то сразу всю нужную сумму получишь. Ну а так месяца три поработаешь, будут тебе деньги.

Павел слышал, что нефритом занимаются бандиты. Оказавшись в бригаде, он удивился, что трудятся в ней обычные парни, простые ребята, у них есть дети и жены, а еще – понятные цели в жизни.

– Работы нет в деревнях. Мне какая разница, где работать: на заводе или в горах? Нет завода, вот и иду в горы. На официальную добычу не берут, а здесь платят неплохо. Детей растить надо, одевать, кормить, – пояснил Аюр, бригадный взрывник.

Жить в таких условиях Паше еще не приходилось. Несмотря на то, что вырос он в детдоме, быт в тайге казался ему невыносимым: днем жарко, ночью холодно, а надоедливые комары стали второй кожей. Две недели прошли впустую, камень найти они не могли. Затем бригадир привез продовольствие. Долго матерился и кричал, недовольный

тем, что нефрит найти не получается. Потом успокоился и предложил ребятам выпить. Гулянка затянулась до поздней ночи, а рано утром бригадир поднял всех и погнал в горы. На этот раз искали камень в верховьях Цакирки, на ее обрывистом берегу. У Аюра после выпитого тряслись руки, и он никак не мог установить взрывчатку.

– Может, помочь? – предложил ему Паша.

– На, поддержи запал, – Аюр протянул Паше тонкую трубочку. Паша взял ее и хотел присесть на корточки, но не удержался и споткнулся.

– Твою мать! – Аюр вскрикнул и отскочил, Паша интуитивно последовал его примеру, после чего прогремел взрыв, откинувший его с утеса в капризное течение Цакирки.

***

Очнулся Павел, лежа на спине. Сначала почувствовал знакомую женскую руку, с трудом открыл глаза.

– Дашима?

– Что? Тебя Дашинима зовут?

– Я же Паша, ты забыла?

– А я Дари, – представилась ему Дашима. Она была в потрепанном дэгэле. На голове почему-то платок, из-под него торчат черные, как смоль, волосы. А Дашима была шатенкой.

Паша подумал, что сходит с ума. Он точно помнил похороны Дашимы, перед глазами вставал образ плачущего в приюте Доржика, но пазл в голове не складывался.

– Ты лежал у реки весь израненный. Я за тобой ухаживала целый месяц, сегодня тебе стало хуже. Думала, что умрешь сейчас. А ты ожил... Ты не дезертир, случаем? Одежда странная у тебя. Ну война-то закончилась, мы победили.

– Какая война?

– Ты память потерял, что ли? Война с Германией закончилась, мы фашистов победили.

– Знаю, она еще в 1945 году закончилась, мы по истории проходили.

– Ну вот, вспомнил. Уже год живем в мире.

Паша присел на постели и оглянулся. Новый дом, оструганные стены, свежая печь... Он провел рукой по гладким бревнам.

– Отец построил, – гордо пояснила женщина, представившаяся Дари.

С трудом Паша встал и прошелся по комнате. Выглянув в окно, зажмурился. За окном был тот же пейзаж, что и в доме Дашимы.

– Какой сейчас год?

– 1946-ой. А в чем дело?

– Нет, не может быть! Сейчас 2010-ый!

– Ты еще болен, приляг.

Сколько дней и ночей еще прожил так Павел, он не знал – был в смятении. Рядом с ним находилась любимая женщина, которую он вроде бы похоронил и мысленно отпустил. А сейчас – вот она, живая, совершенно здоровая. Дари расска-

зала, что муж вернул ее отцу из-за того, что она не смогла родить ему детей. Отец ее недавно умер, и теперь Дари жила в доме, построенном на отшибе деревни. Она часто охотилась, а еще работала в колхозе дояркой. Своего хозяйства не имела – не положено, так объяснила. Дари самозабвенно заботилась о Павле, варила ему вкусную, хотя и непривычную еду, вечерами сидела на его постели и развлекала разговорами. Когда Паша почти поправился, сама предложила ему остаться.

– Куда ты пойдешь? Где твой дом? Живи здесь, если хочешь, мне не тесно.

Паша обнял Дари с глубоким чувством благодарности и умиления. Никогда ранее он не чувствовал себя таким нужным женщине. Два истосковавшихся в одиночестве сердца нашли друг друга у подножья глухой тайги. Паша все реже задавал себе вопросы о том, кто он и откуда пришел. Рассказывать о своей жизни практически перестал, потому что Дари воспринимала это как сказку, улигер. Он и сам порой сомневался, что раньше жил в каком-то другом мире.

– У нас будет ребенок, – сообщила Дари Павлу, когда листва с деревьев опала и в тайге начали завывать первые бураны.

С наступлением лета Павел стал спать беспокойно. Его мучили кошмары. Однажды он проснулся с рассветом, будто услышал тоненький голосок Доржика: «Папа! Не уходи!». Дари спала крепким, здоровым сном. Ее большой круглый

живот выпирал через овечье одеяло, ребенок должен был появиться со дня на день. Павел уже даже мысленно не называл Дари Дашимой. Он вгляделся в черты ее лица. У Дашимы были две родинки под правым глазом, у Дари их нет. Вдруг Павлу нестерпимо захотелось рисовать. Ни бумаги, ни карандашей, конечно же, не нашлось. Паша взял широкую доску, на которой Дари раскатывала тесто, и с обратной стороны нарисовал ее портрет, выжигая каждую черточку раскаленным на дровяных углях шилом. Дари проснулась, рассмотрела портрет и восхищенно произнесла:

– Да ты мастер! Давай повесим его туда, – и указала на стену в большой комнате напротив окна. – Там свет от солнца светит, очень красиво получится.

– Милая, мне надо побыть одному, – у Павла пересохло в горле. Он оделся и отправился в лес, чтобы собраться с мыслями. Природа всегда его успокаивала. Сколько он шел, так и не понял, снова потерял счет времени. Пришел в себя на берегу Цакирки. Сейчас она казалась полноводней, чем была в его воспоминаниях о другой жизни.

«Пора возвращаться,» – подумал Павел и повернул в сторону улуса.

– Стой! – услышал резкий голос из-за чащи.

Сначала выбежала собака, а за ней на конях выехали несколько человек в зеленой форме и фуражках.

– Чего здесь шарахаешься? – спросил один из мужчин. Он выглядел взрослее остальных.

– Гуляю просто.

– Не чеши тут мне! – прикрикнул тот, что был постарше. Остальные спустились с коней и окружили Павла. – Фамилию называй!

– Бурматов Павел Игоревич, – ответил Паша и тут же получил прикладом между лопаток.

– А может, Игнатъев Александр Юрьевич? – главный слез с коня и заглянул в глаза Павлу. Он понял, что его с кем-то путают.

– Афанасий Трофимыч, не похож ведь, – начал стоящий рядом человек. – Игнатъев-то постарше будет, да и седой он. А этот – совсем мальчишка.

– Молчи! Нам какая разница? Отдадим его тем, кто умеет с врагами народа разговаривать. Он хоть Игнатъевым станет, хоть Елизаветой Второй, – заржал главный.

Павел понял, что его ждет. В школе он учился через пень колоду, но полученных знаний было достаточно, чтобы осознать опасность ситуации. Недолго думая, он резко оттолкнул стоявшего рядом и спрыгнул с обрыва прямо в воды Цакирки, слыша за спиной ругань и выстрелы.

Очнулся Павел в больнице. Резко схватил за руку медсестру, измеряющую ему давление.

– Какой сейчас год?

– 2010-ый! – ответила испуганная девушка.

Павел откинулся на подушку с облегчением. Неужели приснилось? Как объяснили врачи, его нашли в лесу охот-

ники. Лежал без сознания на берегу Цакирки. В соседней палате лечился взрывник Аюр, он потерял слух и получил сотрясение мозга, ударившись головой о камни. Позже ему объяснят, что взрыв получился слабый, и им просто повезло остаться живыми. Выписавшись из больницы, Паша вернулся в дом Дашимы. Он одиноко стоял в ожидании неизвестности. Павел сел на кровать Дашимы. Она любила спать возле окна, чтобы свежий таежный воздух освежал ее дыхание. Посмотрев на противоположную стену, Паша вспомнил о портрете. Почему-то он был закрыт черной тканью, как все зеркала в доме. Сняв ткань, Павел всмотрелся в портрет. Свою работу он не мог не узнать.

***

В кабинете Эльвиры Сергеевны Павел сидел, держа в руках объемную папку. В ней были его первые не поддельные документы, а еще – самые ценные в его жизни.

– Доржика я заберу сегодня, – с этими словами он протянул директору приюта папку, где было решение суда о признании его отцовства, заключения органов опеки, выводы детских психологов, различные справки из психо- и наркодиспансеров об отсутствии заболеваний, а также копии ДНК-экспертиз, устанавливающих его родство с Доржиком.

– Я, конечно, не эксперт, но здесь написано, что кровное родство вероятно при точном совпадении генотипов – 12,5%! Вы что, Доржiku прадедом являетесь, судя по выво-

дам экспертов? Не пойму, как суд одобрил ваше исковое заявление!

– Не все в этой жизни поддается логическому объяснению, Эльвира Сергеевна.

Павел забрал свою маленькую копию – радостного Доржика, со всеми его вещами, которые покупала еще Даши-ма. Хоть пенсию мальчику и назначили, Павел осознавал, что пока им придется экономить, ведь постоянную работу он еще не нашел, фриланс приносил совсем небольшие деньги, а от преступной деятельности молодой отец отказался навсегда. Но это было только начало их новой жизни...